

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

К. Б. СТАРКОВА

ПАНЕГИРИК В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

I

Широко известная зависимость средневековой светской поэзии евреев от арабской является фактом давно уже установленным. Однако внимание исследователей сосредоточено было главным образом на технической стороне процесса стихосложения — в области просодии. Сравнительно недавно один из крупнейших знатоков средневековой еврейской поэзии А. Я. Борисов подчеркнул в одной из своих статей, что в этой области после трудов Гартмана, Броди и Хальпера вряд ли можно сказать что-либо новое.¹ Иначе обстоит дело с другими сторонами средневекового поэтического творчества евреев: разделы рифмы, образа, жанра, лексики и синтаксиса поэтических произведений затрагивались редко и не разбирались систематически. В упомянутой работе А. Я. Борисов говорит: „...наиболее сложной и интересной является третья струя арабского влияния в еврейской поэзии — а именно, влияние арабских поэтических жанров с их специфической тематикой и традиционным кругом образов и идей. Насколько мне известно, вопрос об этом влиянии никем еще не был затронут серьезно, а между тем исследователь светской лирики еврейского Средневековья нередко сталкивается в ней с моментами, не объяснимыми без обращения к арабской поэтической традиции“.² Настоящая статья имеет в виду скромную цель проследить лишь частный случай взаимоотношений особого жанра, занимающего видное место как в арабской, так и в еврейской средневековой поэзии. Жанр этот — панегирик, „мадх“ или „мадих“ согласно арабской терминологии. Как указывает само название подобных произведений, они ставят основной своей задачей восхваление знакомого поэту лица. Тем не менее, нельзя видеть в мадхе пьесу лишь узкого личного значения, расценивая его как один из видов индивидуальной лирики. Известно, что во многих случаях мадх имеет своим адресатом людей, хорошо известных истории, игравших выдающуюся роль в современном им обществе и иногда оказывавших значительное благоприятное влияние на развитие литературы. Как пример можно указать на личность эмира Сейф ад-даулы в арабской истории, чье имя группировало вокруг себя целую плеяду поэтов, между которыми особенно выдавался ал-Мутанаббй.³ История евреев дает еще более важные для развития

¹ А. Я. Борисов. Заметки о поэзии Моисея ибн Эзры. Известия Академии Наук СССР. Отделение общественных наук, № 4, 1936, стр. 100.

² Там же, стр. 101.

³ И. Ю. Крачковский. Абū-л-Фарадж ал'-Вавā Дамасский. Материалы для характеристики поэтического творчества. Петроград, 1914. стр. 31—39. — Е го ж е. Арабская поэзия. Журнал „Восток“, М. — Л., 1924, кн. 4, стр. 107.

родной литературы образы Хасдаи ибн Шапрута (X в.) и Самуила Нагида (XI в.), из которых последний, как известно, сам был выдающимся поэтом. Меценатство в средние века является необходимой экономической базой средневековой интеллигенции на Востоке в той же мере, как и на Западе. Бедняк-поэт, так же как бедняк-ученый или философ, ищет гостеприимства и покровительства у сильного мира сего, кто охотно дает ему нужное в чашини получить духовное благо в обмен на представляемое материальное. Перспектива видеть свое имя в посвящении выдающегося научного труда или слышать его прославляемым в звучных стихах располагает к щедрости и отзывчивости многих князей и правителей. В этих условиях жанр мадха несомненно приобретает социальное значение, переступая пределы чистой лирики. Выражаясь современным языком, он выполняет социальный заказ, создавая образ представителя феодального общества. Он изображает восплаемое им лицо теми чертами, которые по современной ему традиции неразлучны с представлением о крупной личности, возвышающейся над уровнем будничной трудовой массы. Панегирик окружает блеском и почетом имя феодала, рисует его как идеальное лицо, воплощает в нем героический образ, наделенный точно установленными традицией похвальными качествами.¹ В несколько отличных социальных условиях еврейский панегирик ставит те же самые задачи. И он имеет целью прославить выдающееся в еврейской общине лицо, будь то правитель, вершащий государственные дела, как Самуил Нагид или Хасдаи ибн Шапрут, будь то мудрый раввин-законовед, как Исаак ибн ал-Балия или Исаак ибн Гийят, философ раввин Иосиф ибн Цаддик, или знаменитый поэт, почитаемый за свой талант современниками, как Моисей ибн Эзра или Иехуда Галеви. Панегирик восхваляет также и тех лиц, которые имели меньшее значение для следующих за ними поколений, но играли достаточно важную роль среди своих современников. Таковы Соломон ибн Фарусаль, которому Иехуда Галеви посвятил выдающиеся мадих и марсию,² Авраам ибн Мухаджир,³ получивший посвящение „Таршиша“ Моисей ибн Эзры, и очень многие другие, чьи имена встречаются в примечаниях к еврейским диванам. Поэты вращались в среде наиболее образованных и даровитых представителей общины, чью влияние они ценили и чьей дружбой дорожили. Обычай обмениваться стихотворными посланиями вынуждал поэта подробно обрисовывать похвальные качества друга-адресата. Такое стихотворение-письмо (қасыда, по терминологии еврейского дивана) обязательно содержит хотя бы краткий мадих в честь получателя. Мадих входит составною частью в свадебные стихотворения, описывая внешние или внутренние качества жениха или невесты, а то и обних. Образцы „садовой“ и „винной“ поэзии также часто содержат мадх в честь хозяина сада, организатора пирушки, на которую приглашен поэт. Наконец, особый разряд хвалебных стихотворений составляют пьесы, ставящие своей задачей прославить умершее лицо, при получении известия о его смерти. Арабская поэтическая

¹ И. Ю. Крачковский. Абӯ-л-Фарадж ал-Ва'ға Дамасский, стр. 183. В дальнейших ссылаках эта работа сокращенно обозначается: Абӯ-л-Фарадж ал-Ва'ға.

² См. стихотворения פִּזְשׁ לְבִיר; פִּזְשׁ לְבִיר; פִּזְשׁ לְבִיר в издании: А. Я. Гаркави. Рабби Иегуда Галеви, т. е. сборник стихотворений Рабби Иегуды Галеви, т. II. Изд. Ахисаф, Варшава, 1893, стр. 95—103 (В дальнейшем цитируется: Гаркави). — О личности Соломона Ибн Фарусалья см. там же, стр. 195.

³ О нем см.: А. Я. Борисов. Заметки о поэзии Моисея ибн Эзры, стр. 109, прим. 3.

традиция определяет их наименованием марсии, риса, но принципиально они ничем не отличаются от мадха, в той части, которая посвящена восхвалению умершего.

Все вышесказанное показывает, что панегирик в средневековой восточной поэзии, в частности, в еврейской, играет заметную роль, функции его довольно разнообразны, и нет поэта, который не оставил бы в своем диване ряда образцов этого рода.

Для того чтобы ясно выявить параллельное арабскому развитие еврейского мадха, его подражательные и оригинальные черты, его приемы и композицию необходимо прежде всего поставить вопрос: какие же качества еврейская традиция считала самыми подходящими и нужными для представителей еврейской общины? В чем отличие еврейских представлений о доблести и чем это отличие объясняется?

Зародившись на территории Аравийского полуострова задолго до эпохи завоеваний, арабская поэзия ярко отразила в себе условия племенной жизни.¹ Непрерывающиеся стычки племен между собою из-за пастбищ, лучших районов для кочевья при обязательной кровавой мести требуют от членов племенного коллектива мужества, силы и выносливости во время войны и охоты. Позднее развитый феодальный строй с постоянными столкновениями и усобицами феодалов требует этих же качеств. Они воспеваются поэтами и отмечаются при восхвалении прежде всего. Не менее важным качеством вождя племени и князя, предводителя отряда, является щедрость. Она привлекает к нему издалека сторонников, желающих изведать его гостеприимство; слава о ней вербует ему дружинников, притягивает к его шатру или замку поэтов, стремящихся получить за свои стихи ценный подарок и отдохнуть от своей скитальческой жизни. Храбрость и щедрость — таковы качества, восхваление которых занимает центральное место в арабском мадйхе.² Физическая и нравственная красота, выражающаяся в благородстве, великодушии, верности, также не забывается поэтами, но на их долю выпадает все же меньше внимания, по сравнению с двумя только что отмеченными достоинствами.³ Результатом доблести предводителя войска оказывается его победоносность, обращающая врагов в бегство и вынуждающая их к безусловной покорности.

Заменяет тебя самого сильный страх [перед тобою] и почтение
к тебе делает то, чего не делают войска.
Всякий раз, как преследуешь ты войско, и оно обращается
в бегство,
то благодаря тебе обращаются в разные стороны мысли о его
следах.

Из-за тебя они бегут в каждой стычке, но нет на тебе позора
вместе с ними, когда они бегут из-за тебя. Ты видишь
сладкие победы одну за другой; в которых сопри-
касаются мечи индийские и кудри.⁴

¹ И. Ю. Крачковский. Арабская поэзия. Восток, № 4, стр. 101—104.

² И. Ю. Крачковский. Абū-л-Фарадж ал-Ба'в'а, стр. 184—185.

³ Там же.

⁴ В. Ф. Гиргас и В. Р. Розен. Арабская хрестоматия. СПб., 1875, стр. 546, Мадх ал-Мутанаббй в честь Сейф ад-даулы, стихи 7,9—11.

Другой арабский поэт говорит о своем герое:

В день битвы в его шуйце и деснице — огонь и вихрь.
 Конница попадает на острия шипов его копий с обломками
 своих и плавает в крови.
 Его блестящие лезвия, сгибающие шеи [врагов], точно набрасыва-
 вают петли на пуговицы.
 И пыль, разбивающаяся при блеске утреннего солнца, точно
 ржавчина на динаре.
 Он — счастливый обладатель победоносного меча, а тот в руке
 яростно нападающего, бушующего в гневе.¹

В том же роде говорится о Сейф-ад-дауле: [он тот] „кто кольчуги
 считает рубахами и смертельные опасности признает лучшим верховым
 животным“.²

Для него грешно вернуть копья из битвы, если верхушки их
 не покраснели от крови врагов.³

Вождь арабского войска быстр в сражении и в решении принять его:

„Посетил я его — мечи индийские были в ножнах, не успел я
 взглянуть на него — мечи в крови“.⁴

Отсюда его могущество и влияние:

Враги его в своей стране подобны его наместникам: если ему
 угодно — захватывают ее, если не угодно — сдают.

Нет у него иных приказов, кроме машрафийских мечей, нет
 иных послов, кроме многочисленного войска.⁵

Грозный для врагов, арабский вождь милостив к своим сторонникам:

Захватил ты все горные тропы жизни. Ты даешь жизнь и ли-
 шаешь ее, кого захочешь.

Нет смерти, кроме той, что приходится опасаться от твоего
 копья, нет блага помимо того, что уделяется от твоей
 десницы.⁶

О нем говорится:

Окутанный широким плащом хвалы, жадный к доблестям, взды-
 мающий валы щедрости, владелец просторного жилища.
 Влачащий полы благородных дел, предводитель копий, защит-
 ник истины, заповедного и соседа.⁷

¹ Лўйс Шейхб. Маджанил-л'-адаб фи хадик ал-'араб, т. III. Бейрут, 1899, № 132
 мадх Ибн Хаджажи ал-'Андалуси в честь эмира ибн Яхьи ибн Ибрахима, стихи 12—16.

² Абӯ-л-Фарадж ал-Ба'ва, стр. 231, стих 29.

³ Там же, стих 44.

⁴ Ал-Мутанаббӣ, Арабская хрестоматия, стр. 546 واحد قلباء стих 4.

⁵ В. Ф. Гиргас и В. Р. Розен. Арабская хрестоматия, стр. 543, мадх ал-Му-
 танаббӣ в честь Сейф ад-даулы, стихи 6—7.

⁶ Там же, стихи 41—42.

⁷ Л. Шейхб. Маджанил-л'-адаб, т. III, № 132, стихи 1—2. В дальнейшем цити-
 руется: Шейхб, т. III.

Он затмевает своею щедростью дождевое облако — обычный образ щедрости:

Когда облако с дождем встречается с тобою, с ним встречается славнейший, чем оно, и щедрейший.

Оно следует за тобою; один дождь следует за другим от Сирии, ведь учащийся следует за искусником.¹

Ливень из его пальцев в саду благодарности пристыдил дождевой поток, уличив в скупости тучи.²

Подобные качества снискивают герою всеобщее расположение:

У отца благородства ладонь непрерывно каплющая, как дождь при громе и молнии.

Он — нежный любовник для сбора и познания славословий, он страстно влюблен в раздачу и расточение богатства.

Не перестает его милость охватывать завистников, пока не признается в этом язык завистливого.³

Счастливей, он наполняет дарами и радостью руки гостей и очи посетителей.

Овевает ароматом своего имени (целое) собрание, оно точно вдыхает запах душистых лугов.⁴

Признает его достоинства и тот, кто не любит его, уверен в его счастья и тот, кто не наблюдает звезд.⁵

К чему мне скрывать любовь, что истомила мне тело, ведь народы объявляют любовь к Сейф ад-даула вследствие красоты его черт, пусть бы делились мы по степени этой любви.⁶

Могушество восхваляемого гиперболизируется:

Противостоит Сейф ад-даула всему миру, он обнимает все члены его и проникает внутрь их.

Он проходит через него, так что и над солнцем его власть, и отделяется от него [от мира], так что и на луне его клеймо.⁷

Боюсь я превратности судьбы и несчастья ее, но судьба для Мансūra лишь один из его слуг.⁸

О царь, который захватил все доблести и отклоняет поводы мысли от противоречия себе.

Что говорить о времени! Ведь ты жемчужина его ожерелья, острие его копья, бейт его касиды.⁹

¹ Ал-Мутанаббй, Арабская хрестоматия, стр. 545, стихи 21 и 23.

² Абū-л-Фарадж ал-Ва'вā, стр. 243, стих 32.

³ Шейхō, т. III, № 136, мадх ат-Тилимсāнй в честь айюбида Мансūra ибн Осмāна, стихи 6—8.

⁴ Там же, № 132, стихи 9—10.

⁵ Ал-Мутанаббй, Арабская хрестоматия, стр. 542, стих 17.

⁶ Ал-Мутанаббй, Арабская хрестоматия, стр. 542, стихи 2—3.

⁷ Там же, стихи 4—5.

⁸ Шейхō, т. III, № 136, стих 1.

⁹ Там же, стихи 23—24.

II

Условия жизни еврейского общества на Пиренейском полуострове в средние века во многом отличались от условий развития арабского. Прежде всего, только в исключительных случаях евреи принимают участие в военных походах.¹ Благодаря этому, личное мужество и умение владеть оружием не играют роли в жизни представителя еврейской общины. Ему не приходится руководить военным отрядом, устрашать врагов неожиданным нападением, преследовать разбитого противника. Поле сражения, к которому с детства готовится юноша, — совсем иное. Это поле — область национальной литературы, культовой в преобладающей части. Широкая начитанность, умение вдумываться в сложнейшие хитросплетения талмудистов, способность растолковать непонятные многим темные места Талмуда и Библии — вот те качества, которыми должен отличаться член общины, желающий добиться всеобщего уважения и признания. Мало этого. Расцвет арабо-испанской культуры евреев повлек за собою невиданное ранее обогащение светской литературы, расширение ее целей и задач. Широкий слой образованного еврейства, воспитанного в школах Кордовы, Гранады, Люсены, живо интересуется всем появляющимся — на арабском и еврейском языках — в области философии, медицины, грамматики, экзегетики и т. д. Все это сказывается на еврейском мадхе. Мудрость, знание — вот качество, восхваление которого никогда не надоедает поэту. Все остальные, по сравнению с этим, отступают на задний план, хотя и им стихотворение часто отдает дань внимания.² К числу похвальных свойств помимо мудрости и щедрости относятся: благочестие, справедливость, умение правильно решить судебное дело, опираясь на Тору; такие нравственные качества, как самообладание, кротость, снисходительность. Наконец, физическая красота, восхваление которой строится неоспоримо под чрезвычайно сильным воздействием арабской любовной лирики. Привожу здесь как пример строчку из мадха Иосифа ибн Цаддика в честь Иехуды Галеви, которая дает перечень основных качеств, ценимых поэтом в друге:

פֶּלִיל יִמִּי אָחִי שְׁכָל צָבִי הֵן אַב מוֹסֵר יֶלֶד חֲכָמָה וְתוֹרָה

Совершенный красой, брат разума, прелестная серна, отец наставления, дитя мудрости и Торы.³

Тот, чья мудрость восхваляется, не просто „дитя мудрости“, он одновременно самая ее суть, лучшее ее воплощение, герой ее войны. Так Иехуда Галеви, восхваляя Иехуду бен Абуна, говорит о нем:

Вождь Иехуда — вождь ее воинств [воинств мудрости]. Он оживает мудрость. Зачем говорят: „мудрость оживает обладающих ею“.

Она говорит — он разгадка ее слов, она произносит притчу — он смысл притчи.

Дочь ее идеи засияла над ним или Плеяды и Орион замыслили ее.⁴

¹ Известное исключение: походы Самуила Нагида против правителя Альмерии Зухейра и севильского кадия Мухаммеда ибн 'Аббада.

² В этом существенное отличие еврейского мадха от типичного арабского. Абū-л-Фарадж ал-Ба'ва, стр. 183 и 185—186.

³ Dr. H. Brody und Dr. K. Albrecht. שֹׁעֵר הַשֵּׁר. Die neuhebräische Dichterschule der spanisch-arabischen Epoche. Leipzig, 1905, № 113, стих 1. (Дальнейшие ссылки под שֹׁעֵר הַשֵּׁר или аббревиатура ש"ש).

⁴ H. Brody und M. Wiener. Anthologia Hebraica. Leipzig, 1923, стр. 175, стихи 30—32. (В дальнейшем цитируется: Anthologia).

Далее поэт обращается непосредственно к самому восхваляемому:

Не тяжелы для меня твои слова, скорее голове невесты тяжел
ее венец. Пробудись, богатырь мудрости, воспрянь, да пре-
клонятся перед тобою львы ее.
Ибо сердце твое — ее корень и насаждение, а язык твой —
ее плод и листва.
Кто в ее войне устоит перед тобою? Твои подвиги многочис-
ленны...
Ты один победитель — остальные обоз и отставшие...¹

Восхваляемый — близкий родич мудрости:

Спроси мудрость, а если это невозможно, — спроси рабби
Иосифа, которому мудрость — сестра;
Гортань которого, как хорошее вино, рот его — лекарство
от болезни, древо жизни — его губы.
Разум следует за ним в путешествии, а рассудительность
вместе с ним становится лагерем.²

Даже, если восхваляемый очень молод, все же на пути мудрости он далеко опережает своих сверстников. Так, в стихотворении по поводу свадьбы Соломона ибн Матїра имеется мадх жениху.

Соломону посватали родные красавицу, если месяц и солнце
могут быть сосватаны. [Он тот], чьи шаги прямо напра-
влены по тропе знания, ноги его, ступая, попирают науку.
От юности мысли его на небесах, думы его поднимаются над
Плеядами.
Он настолько выше своих сверстников, насколько люди выше
скота и гадов.
Его поступки драгоценнее их (поступков), как кораллы драго-
ценнее глиняных черепков.
Они бегут, чтобы коснуться праха его ног, но как может
пташка догнать морского орла.³

Образ воина мудрости дополняется еще картиной захвата и разграбления добычи (под которой подразумеваются сокровища той же мудрости):

Ступай к Самуилу, что возвысился в нашей земле, как возвы-
сился Самуил в Раме и Мицпе.⁴
Он исследовал мудрость ума, раскрыл секрет ее тайн, рассу-
панное сделал собранным.
Разграбил ее добычу и скрыл в своих сокровищницах,
и надеется на ее золото и серебро.⁵

Не всегда мудрость восхваляемого лица описывается абстрактно, как некая отвлеченная категория, подобно мудрости, упоминаемой в библейских книгах „Притч“ и „Иова“. Во многих случаях мадх ука-

¹ Там же, стихи 38—42.

² פִּשְׁיָא רַעֲוִי, № 23, стихи 17—19.

³ פִּשְׁיָא רַעֲוִי, № 59, стихи 15—20.

⁴ Герой целого ряда библейских легенд. Библия, кн. Самуила.

⁵ פִּשְׁיָא רַעֲוִי, № 36, стихи 13—15; Стихотворение Соломона ибн Габироля в честь Самуила Нагида פִּשְׁיָא רַעֲוִי לְרַבִּי שְׁמוּאֵל נָגִיד.

зывает, в каких областях и как она применяется ее обладателем. Указывается, что к его советам прибегают многие.

Родился сын у воздвигающего здание наук и раздающего
их плоды.

[Он тот], кто отвечает по сути дела вопрошающему, ибо
нашел он источник мудрости и черпает его для нас.¹

Помимо опытности в этих областях, к достоинствам прославляемого относится способность читать в сердцах людей, узнавать их тайные помыслы и предсказывать им будущее. Такое представление о мудрости несомненно подсказывается поэту библейскими образами мудрецов и пророков.

Избранник своих братьев, речи которого — стрелы, подобные
факелам и пламени.

Он верный посол для пославших его, ибо объясняет скрытое
в их сердцах, как знающий будущее.

Он мудрец, для которого нет ничего скрытого в тех, кто
приходит испытать его загадками.

И если бы это поколение было достойно пророка, — он про-
рочествовал и назвался бы любимцем [неба].²

Я вошел в отдаленные пределы Библии и Мидраша и нашел
их обысканными, разоренными.

Я погнался за новыми предметами, как гонятся за пропав-
шими овцами:

Сабейцы его мыслей напали на них и ничего не оставили
другим.³

Иногда в похвале другу чувствуется точно намек на занятия естественными науками, астрономией (= астрологией).

Душа его знает секреты чужих [сердец], но его секреты
недоступны сердцам.

Он узнает по сегодняшнему дню завтрашний; он раскрывает
тайники моря и его тайны.

Бежит сфера, а он идет медленно, но побеждает своими мед-
лительными [членами] ее стремительность.⁴

В некоторых случаях мы точно знаем профессию или одну из профессий друга поэта: это медицина.

[Он] — врач и древо жизни в своих снадобьях, проповедник —
и древо познания в своей проповеди.⁵

В другом стихотворении о том же лице говорится:

Он почти останавливает чуму, как Аарон, и воскрешает пора-
женных [ею] своими мазиями, лекарствами, а также слово-
словиями, каплющими из уст его.⁶

¹ Гаркави, II, стр. 37, שִׁיר קִרְבֵּי בְּמִי כָלָנוּ, строфа 5.

² Гаркави, I, стр. 41, стихотворение в честь Натана бар Самуила, секретаря каирской йешивы: מִן הַשֵּׁבִיבִי: מִן הַשֵּׁבִיבִי, стихи 13—16.

³ Там же, стихи 18—20.

⁴ Гаркави, I, стр. 39, стихотворение в честь Халфона ад-Димйятī, רִמָּה סִמָּה, стихи 10—12.

⁵ Гаркави, II, стр. 111, אֵל כְּבוֹד הָאֵל, стих 6.

⁶ Там же, стр. 47, стихотворение מִן הַקִּל קִרְבֵּי, стихи 24—26.

Из подобных частей мадха можно составить представление об уровне образования культурнейших представителей той эпохи. В таких стихах речь идет несомненно о светской науке. Упоминается, например, обладание красноречием более высоким, чем арабское:

И песня Моисея, воистину! может быть вечерней песней
царя по своим приятным словам.
[Он] — владыка, живущий над горизонтом откровения, и живу-
щие в нем [в пределах горизонта] кажутся ему саранчой.
В лице его восходит солнце справедливости, а лица других
вельмож оно одевает тьмой.
В день войны разума он жесток, но слова его так нежны,
что смягчат сердце льва.
Исцеление для всякой болезни в его устах и ливень, когда
нет дождя, поить [землю].
Он печалит сердца врагов своих, но уста его — бальзам
галаадский, исцеляющий печали.
Крадут мудрые советники воду его мыслей, и сладка им кра-
деная вода.
Когда он встает, чтобы объяснять тайны, мудрецы перед
ним неподвижны.
Он осилил унаследовавших мудрость мудрецов и затмил свет
арабского красноречия.
Его перо летает без крыльев, когда он превращает свои
пальцы в керубов.¹

В начале этого отрывка упоминается прелесть стихов друга. Как было указано выше, еврейский мадх часто служит обращением поэта к поэту. В этом случае стихи друга получают высокую оценку независимо от их подлинного качества и независимо от того, что адресат, чье превосходство в поэзии над собой поэт—автор послания неизменно признает, на самом деле стоит гораздо ниже последнего.² Таковы, например, стихи Соломона ибн Габириля, обращенные к Самуилу Нагиду, Иехуды Галеви к Иосифу ибн Цаддику или Иехуде ибн Гийяту, только что приведенные стихи Моисея ибн Эзры к неизвестному другу—тезке и многие другие. Весьма часто поэт отвечает на обращенное к нему стихотворное послание. В этом случае похвалы содержанию письма — стихам — сливаются с похвалами внешнему оформлению послания и с восторженным описанием впечатления, которое оно произвело на душу получившего его. В качестве образца привожу отрывок из знаменитого стихотворения יְהוּדָה הַלֵּוִי Иехуды Галеви. Оно обращено к одному из представителей известной семьи ибн Гийят — Соломону ибн Гийят. В приводимых ниже строках описывается стихотворное послание последнего:

Строки его, как ночь, а смысл, как заря, оно подобно девушке,
скрывающей свою щеку волосами.
[Это] — песня, которая поклялась, что лишь она высечена
из мировых скал, а не окурена [только] миррой. Строки —
как шатры Кедара, а свиток — как завесы Соломона, и вся
она [песня] прекрасна, смугла.

¹ Anthologia, стр. 143.

² Подобное явление встречается не в одной среде еврейско-арабских поэтов. Стоит только вспомнить посвящение Пушкина к поэме „Цыганы“.

Не видал глаз человеческий строк, выстроенных чредой свер-
 кающих камней, пока не увидел его письма в стихах.
 Искру слов его содержит письмо, как же оно носит огонь
 в своем лоне и огонь не властен над трутом?
 Что они [слова], что письмо скрыты в моем сердце, вырезан-
 ные буквы в букву помещены внутри его на сохранность.
 Она [песня] — гряда, которую [ковром] соткали руки мысли,
 расположились вокруг нее, а она поставлена капителью
 колонны.

Плодовый куст она и звук песни для уст читающего ее, за
 вином язык мой ее распевает.¹

В том же роде отвечает Иехуда ибн Гийят Иехуде Галеви:

Украсил он пестрыми вышивками свое письмо, и оно пришло,
 высланное любовью, душа моя слишком ничтожна, чтоб
 воздать собою за него.

Поверхность его [письма] как щека пославшего, и сюрма строк,
 как сердце влюбленных в него, слова его испытаны подобно
 золоту, чисты, как моя любовь.

Гранаты² — его знаки, а смысл его — мед, и строки его навевают
 мировой ветерок моему дыханию.

Подкрепляется ими и ликует мое сердце, удивляясь им, они —
 моя забава, все мое песнопение.

[Это] — песня, чьи чудеса воскрешают мертвецов моей радо-
 сти и душу мою поднимают из пыли могильных комьев.³

Философ и поэт Иосиф ибн Цаддик обращается к Иехуде Галеви:

Отец песни, которую будто лелеяла ласточка, а вскормила
 пчела.

Она ловит души, но лишь для [их] удовольствия: без силка,
 без протянутой сети.

Одними устами медовыми и речами разумными, гортанью,
 подобной манне, и росой ясного слова.⁴

Также прославляет стихи друга Соломон ибн Габироль:

[Он] — прелесть звуков всех песнопевцев, господин песни,
 [ею] он разрушает укрепления врагов.

Приходят к тебе, друг мой, рифмы приятные, от которых
 смягчается мое сердце и готово разорваться.

Душа моя — выкуп за славную песню, что вытекает из источ-
 ника красоты и бьет из потока великолепия.⁵

Вторым по важности свойством объекта мадха является щедрость.
 Немногих примеров здесь достаточно, чтобы почувствовать близкое

¹ שער השיר, № 14, стихи 28—35.

² Драгоценные камни.

³ שער השיר, № 111, стихи 42—46.

⁴ שער השיר, № 113, ימינו בתיק קצר, стихи 3—5.

⁵ H. Brody. Weltliche Gedichte des Abu Ajjub Soleiman b. Jahja Ibn Gabirol. Berlin, 1897, стр. 22, стихотворение № 9, לבי בא לי, стихи 11—13. (В дальнейшем цитируется: H. Brody...).

родство арабской и еврейской кассыды. Рядом со щедростью ставится обычно влиятельность, возможность управлять людьми и целыми областями.

... Иекутиель — князь вождей и вельмож, светило вселенной, фундамент ее оснований, столпы небесные им поддерживаются.

Все вельможи уповают на него, его слов ждут все князья.

Он старается исполнить их желание, как отец старается найти добычу своим сыновьям. В устах его радостная весть для всякого, щедрость его драгоценней кораллов.

В душе его милость, в сердце его щедрость, уста его всегда верны.

[Он] — владыка, подобный небу над землей, а руки его проливают дождь, как облака.

При прекращении дождя умирают души, а при дожде преисполняются ликованием.

Пусть бы скорей исполнились его желания, и все желаемое мною пусть будет дано ему.¹

Еще больше подчеркнуто могущество Соломона ибн Фарусая в стихотворении Иехуды Галеви בלעל כשפים. Гиперболы рисуют этого везира обладателем сверхчеловеческого могущества, повелителем космических пространств:

... Что с серною? Она плачет как будто владыка Соломон отправился в странствие и очутился в разлуке с нею.

[Он] — князь, плечу которого приличествует бремя власти, он поработывает землю по своему желанию.

Он уехал, и потемнела после этого поверхность страны, так же как при возвращении его светлеют перед ним все края ее.

Земля так возвышается, когда попирают ее его шаги, что и высоты небосвода положила себе под ноги. Земля смутна, как больная от любви, она жаждет его, а когда он ее ищет, гаснет ее пламень.

Она чудесно опустилась при отъезде его, а при возвращении от прелести его образа забывает дни своей обиды.

Вернись, Соломон, князь мой, поднимись благополучно на колесницу, ведь мулы ее — созвездия Плеяд.

Одето время твоё хитоном славы князей, но все они — полы хитона, и один ты — ожерелье его.²

Щедрость и любовь к друзьям, по мнению поэта, неразлучны:

Вы смешиваете для меня любовь со щедростью, и душа моя опьянена их молодым вином.

От рук ваших притекают ко мне реки, от лица вашего сияет мне блеск.³

Руки милостивца соревнуются в щедрости между собою:

Щедрым сердцем, кто обогащает сынов человеческих, и в дни его не найдется нуждающегося и бедняка. Две руки его — две враждующие соперницы: одна делает хорошо, другая еще поправляет.

¹ שירי שיר, № 34, Соломон ибн Габироль: לזון למי, стихи 6—14.

² Гаркави, I, стр. 95, стихи 13—20.

³ Там же, стр. 105, לזון למי, стихи 3—5.

Когда правая рука щедро благодетельствует, другая ревниво
стремится поступить так же.¹

Владыка подобен небу над землею, и даже руки его проливают
дождь, как облака.²

Нет жертвы, которая устарила бы великодушие дарящего:
Если бы просили у него его внутренности, то и кровь своего
сердца он отдал бы желающим.
Если просят дождя щедрот, разве он прекратится? Нет, он
льется ливнем.³

Высокие качества восхваляемого дают ему силу противостоять судьбе:

Если бы вышел он с мечом в бой против своей судьбы, под-
чинились бы ему все ее силачи.
Но он сражается жезлом или скипетром, но и жезлом своим
пронзает головы ее воинов.⁴

При сложности талмудического права и весьма понятном нежелании
членов еврейской общины в спорных вопросах прибегать к суду иновер-
цев, роль раввина, судьи, главы школы в эту эпоху чрезвычайно велика.
Это опять находит отражение в жанре панегирика, что выражается
в похвале справедливости. Выхваляемое лицо (обычно носящее звание
יָיִן — „судья“, רִישׁ יִשְׂרָאֵל — „глава школы“) — опытный законник, опираю-
щийся в своих решениях на Тору. Это придает ему ореол праведности,
о чем не забывает упомянуть поэт:

Ныне рука истины сильна и справедливость стала устойчиво,
возвысились ступени Торы и слава поселилась в прочном
жилище.
Твоим именем возвеличилась власть и праведность отдыхает
на своем месте;
Ты — ее решение и построение, тебя избрал Адонай.⁵

В другом месте:

Спроси ученого, спроси судью, спроси раввина, который
простер свои крылья над всякой наукой.
У Бен-Цийона спроси о правосудии, и ты найдешь у него испы-
танные слова бога.
На сердце Аарона и в хрустале на плечах — урим, чтобы
поучать.
Великолепие помазало его своим лучшим миром и оставило
его товарищам остатки.
Они товарищи только по имени,⁶ если ты их ищешь, они
окажутся южными вихрями и бурями.

¹ פֶּשַׁע וְחַסֵּד, № 159, стихи Иехуды ал-Харйэй.

² Н. Brody, стр. 10, № 4, стих 12.

³ Гаркави, I, стр. 39, דמם פניו, стихи 8—9.

⁴ Там же, стихи 13—15.

⁵ Гаркави, I, стр. 77, רבו כיום רעיוני, стихи 18—21. Стихотворение написано по
поводу вступления Иосифа Галеви ибн Мигаши в должность раввина.

⁶ Игра слов חבר: 'товарищ' и в то же время термин для обозначения средневеко-
вого еврейского ученого-законоведа.

Знакомые с его полновесными колосьями захотят ли их ис-
сушенных?¹

Еще более сильно это подчеркнуто у Йехуды Галеви в другом месте:

Владыка Торы! Витязь мудрости! Йехуда, встречай его хвалю!
Прими из уст его ученье для себя, приложи слова его к сердцу
для свидетельства.
Сердце стремится к раб Йосифу, чтобы до разлуки собрать
плоды его решений.²

В среде народа, у которого понятие религии совпадало в те времена с понятием национальности, когда культ служил связующим звеном для еврейства, разбросанного в отдаленных пределах Запада и Востока, соблюдение правил религии, благочестие, преданность богу должны были пониматься как лучшие украшения человеческого характера. Разумеется, панегирист не пропускает этих черт при описании своего героя:

Господин своей мысли, пленник своего творца и создателя, нет
другой воли в его сердце, кроме его воли [т. е. воли
творца].
Он одел в Египте плащ величия и до Испании слышится его
бубенчик.
Он составляет благовония Торы в Цоане, а обоняют его ко-
рицу в Сенааре.³

Другой образец того же рода:

Где слава бога и благоговение перед ним? Только у рабби
Аарона, его избранника.
Хабер называют его, но нет у него товарищей,⁴ ибо он един
в своем поколении, [он] — его чудо.
Показалось великолепие милости при его рождении и перестало
показываться.⁵

Благочестие восхваляемого, презрение к мирским благам делает его опорой Израиля:

Его сердце в жизни как купеческие корабли, долю своих меч-
таний оставляет другим,
но он [сам] ищет только тайну живых душ. Не стремится
к драгоценностям, стремится лишь к славе божией,
будучи основой мира и основой Израиля.⁶

В полной гармонии с преданностью богу стоит самообладание героя, его умение подчинять себе свои страсти:

Пусть хвалится сединою человек, который поседел, отряхнув
свои руки от заблуждений юности, подобно рабби Мойсею,
который владеет своим духом, страсти его преданы в руки
разума.

¹ Гаркави, I, стр. 47, פִּי קוֹל, стихи 18—23.

² Гаркави, I, стр. 107, נְבִיר תוֹרָה וְנִבּוֹר, стихи 1—3.

³ Гаркави, I, стр. 108, אֶדוֹן יְצִיר, стихи 1—4.

⁴ См. выше.

⁵ Там же, стр. 111, стихи 1—3.

⁶ Там же, стр. 117, הָנִיעַ וְזָן, строфа 3.

Для ошибок его руки — пленники, губы его — назорей для вина
страсти.

Он сдерживает мысли, чтобы они не разбежались, и они задерживаются перед лицом Господа.¹

Со всем этим связана и скромность друга поэта:

В глазах бога весьма драгоценна твоя душа, хоть она и ничтожна в твоих [собственных] глазах.²

Происхождение героя не играет выдающейся роли в еврейском панегрике. Упоминание о нем встречается в стихах сравнительно редко, и если встречается, ему посвящены не более чем одна-две строки:

Прирождена ему слава, унаследованная им от предков, а всякий, помимо него, кажется случайным ее спутником.³

Уже давно И. Ю. Крачковский в своей работе „Абӯ-л-Фарадж ал-Ба'вā Дамасский“ отметил, что „отталкивающая черта поздне-арабской лирики та, что слова и признания поэта слишком недвусмысленно направлены не к женщине, а к мужчине“.⁴ В еврейской поэзии эта черта выступает менее резко. Во-первых, то явление, которое лежит в основе этих мотивов и является их причиной, вряд ли могло практиковаться в еврейской среде, рассматривавшей его как величайший грех и нечестие. Оно могло встречаться лишь тайно и в единичных случаях. Во-вторых, даже там, где мужчина воспекает красоту друга и свою любовь к нему, описание нравственных и умственных совершенств, многочисленные примеры которого мы уже представили, преобладает над описанием физической прелести и количественно и качественно. Наконец, из примечаний и заголовков к стихам в диване и из общего знакомства с биографией поэта и его корреспондентов мы знаем, что во многих случаях их действительно связывала долготелная дружба, а потому чувственное описание красоты и любви мы воспринимаем как поэтический трафарет, созданный канонами арабской поэзии и употребляемый здесь с целью ярче выразить дружеские чувства. Воспевание физической красоты юноши занимает действительно заметное место лишь в свадебных стихотворениях, но там ему постоянно сопутствует так называемый несйб, и картина любви рисуется вполне „нормальной“ с нашей точки зрения.⁵ Сама красота воспевалась более бледно и абстрактно, нежели в арабской поэзии. Для большей полноты картины привожу здесь несколько образцов этого рода.

О пусть твой аромат, исходящий от совершенного красою,
будет моим благовонием, прежде чем судьба изнурит раз-
лукой остаток моего тела.

Ныне река плача по вчерашнем дне подобна бурному морю,
ибо я вспоминаю мою газель, красу его, подобную саду
при дворце.

¹ Там же, стр. 79, הלמיר בוקונים, стихи 8—11, стихотворение посвящено Моисею ибн Эзре.

² Там же, стр. 110, אשר שמך, стих 3.

³ Там же, стр. 103, זמן וזמן, стих 12.

⁴ Абӯ-л-Фарадж ал-Ба'вā..., стр. 187.

⁵ См. у Йехуды Галеви стихотворения: כוכבי חבל (Гаркави, II, стр. 48) מעדן (там же); שמו כנס' (там же, стр. 50); קח מן הקרם (там же, стр. 53); Моисей ибн Эзра — הריח מר, שער, השיר, № 59.

דדענך נוד, стих 21). Красавец, красавица — мирт или мирта, иногда миртовая ветвь (Гаркави, II, стр. 53). Он — виноградная лоза (נֶפֶץ), в гроздьях которой мирра (Гаркави, I, стр. 103, стих 6). Иногда он сравнивается с целым садом (גַּן בִּיתִי — дворцовый сад. Гаркави, I, стр. 91, строфа 2). Гортань друга подобна хорошему вину и уста его — бальзам печали (שֶׁעַר הַשִּׁיר, № 23, стих 18). Здесь не всегда можно сказать, что имеется в виду — вино и бальзам могут быть синонимом не поцелуев друга (как в арабской любовной лирике), а обозначением его речей, подкрепляющих и исцеляющих слушателя (שֶׁעַר הַשִּׁיר, № 111, стихи 47—48); уста друга — мед поэта (Гаркави, I, стр. 91, строфа 3).¹ Очень часто сравнение с газелью. Оно приводит к тому, что слово „газель“, „серна“ становится просто синонимом красавицы — красавицы,² что хотя и находит себе полную параллель в арабских стихотворениях, но в то же время приводит к сравнениям и метафорам, заимствованным из библейской лирики — источника, из которого черпали и средневековые поэты. צִבְיָה — серна — для обозначения красавицы-возлюбленной; צִבְיָה — синоним возлюбленного — встречается много раз в Песне Песней (главы: II, 9, 17; IV, 5; VII, 4; VIII, 14). Если арабской поэзии присущ образ изнемогающего от любви, то и в Песне Песней мы встречаем выражение הוֹלַת אֲהֶבָה אֲנִי (— я больна от любви. Песня Песней, II, 5). Отсюда у Иехуды Галеви сравнение: אֶרֶץ נְבוֹכָדְנֶצַּר כְּחֹלֶת אֲהֶבָה — „земля смутна, как больная от любви“.³ Еще многочисленнее образы, неоспоримо связанные только с Библией, которые без знакомства с нею вообще вряд ли могут быть поняты. Это прежде всего те, в которых фигурируют культовые предметы древнего Израиля, утварь, сосуды и сооружения, употреблявшиеся в ритуальных целях. Например, Иехуда Галеви говорит об Иакове Цорпати (Иакове Таме — знаменитом раввине Южной Франции):

אֶדוֹן חֶכְמָה אֲשֶׁר עָלָיו מְכוֹן מִקְדָּשׁ וְאֶהְיֶה
וְשׁוֹב זִכְרוֹ כְּפַעְמוֹנִים וְרִמּוֹנִים עָלַי שׁוֹלִי

„Ковчег мудрости, на котором основание святыни и ее шатров, его добрая слава, как бубенчики и [золотые] гранаты на его полах“.⁴ Для понимания этого места надо знать, что золотые бубенчики и гранаты служили отличительным признаком одежды первосвященника (Исход, XXVIII, 33—34). Таким образом, восхваляемый сравнивается с первосвященником Аароном. То же самое:

פַּעְמוֹן זָהָב וְרִמּוֹן עִם אֲבִנֵי זָפְרוֹן
שָׁבוּ לִבִּנִי יַעֲקֹב וְהָיוּ עַל לֵב אֶהְרֹן

„Золотой бубенчик и граната вместе [с драгоценными] камнями напоминания вернулись к сынам Иакова и очутились на сердце Аарона“.⁵

¹ Ср.: А. Я. Борисов. Заметки о поэзии Моисея ибн Эзры 1. Арабские влияния в „винных песнях“ Моисея ибн Эзры, стр. 105.

² Иехуда Галеви: מֵה לֶךְ צִבְיָה תִּמְנָעִי צִירִיךְ (Гаркави, II, 55); בעלל כשמים (Гаркави, I, стр. 95, стр. 13).

³ Гаркави, I, стр. 95, стих 17. О значении Песни Песней для средневековой еврейской поэзии см.: А. Я. Борисов. Заметки о поэзии Моисея ибн Эзры, стр. 102.

⁴ Гаркави, I, стр. 106, стих 1.

⁵ Гаркави, I, стр. 112, стихи 1—2; для этого места см. Исход, XXVIII, 12, 33—34; XXXIX, 25.

Там же:

וְעַל לֵב אֶהְרֹן אוֹרִים לְהוֹרֹת
וּבְשָׂרָם אֲשֶׁר עַל הַכְּתָפוֹת

„Урим для наставления на сердце Аарона и в хрустале на его плечах“.¹

Обычный прием еврейского мадха для большего подчеркивания достоинств прославляемого сравнивать его с кем-нибудь из героев библейских легенд, в первую очередь, с тем, кто носит тождественное с прославляемым имя. Проводятся параллели деятельности того и другого. Так, Аарон ал-‘Омāйи в стихах Йехуды Галеви постоянно сравнивается с первосвященником Аароном (см. выше).

וְכַמְעַמַּת יַעֲצֹר נֶנֶף בְּאֶהְרֹן

„... почти останавливает чуму, как Аарон“ (первосвященник).² Соломон ибн Габироль сравнивает значение Самуила Нагида со значением древнего пророка Самуила (см. выше).

Во многих случаях надо знать определенный библейский сюжет для того, чтобы понять, какую мысль хочет поэт передать сравнением:

יֵצֵא כָּל נְבוֹל מִצְרַיִם בְּיוֹםֶּךָ

„как Иосиф прошел по всей границе Египта“.³ Также при похвале мудрости, мудрость друга олицетворяется в виде полных колосьев, мудрость его соперников в виде колосьев высушенных — явный намек на историю Иосифа (Бытие, XLI, 6—7; 22—24). Врач сравнивается с древом жизни. רופא ועץ חיים.⁴ Для указания на полное превосходство объекта панегирика в какой-либо области говорится, что ему принадлежит здесь „право первородства“ הַבְּכוֹרָה (Бытие, XXV, 31—34):

הָכִי כָּל נַחֲלֵי מִשְׁרָה וְתוֹרָה
צַעֲרֵיכֶם וְלֶכֶם הַבְּכוֹרָה

(Гаркави I, стр. 105, שַׁפְּתֵי הִתָּה, стих 6; Гаркави, I, стр. 105). В этом же смысле употребляется выражение ראשית שְׁמִנִי ‘верх елея’ (переносно — „начало“, „первинки“). מִשְׁחוֹ הִיקָר רֵאשִׁית שְׁמִנִי (Гаркави, I, стр. 47, стих 21) — „помазало его великолепие верхом своего елея“.

Многие библейские обороты стали трафаретом и встречаются одинаково у различных поэтов: כָּלִיל יוֹפִי ‘совершенный красою’ (Исайя, XXVII, 3) употребляется у Йехуды Галеви (Гаркави, I, стр. 91, стих 1); у Иосифа ибн Цаддика (שֵׁעַר הַשִּׁיר № 113, стих 8); עֶפְרַת אֲהָבִים или אֵילַת אֲהָבִים (Притчи, V, 19); נוֹזֵר אֲחִיו (Бытие, XLIX, 26) — князь своих братьев = избраннык; צִיר נֶאֱמָן — верный посол (Притчи, XXV, 13); יְסוֹד עוֹלָם — основа мира — синоним праведника (выражение взято из кн. Притч X, 25, где говорится יְסוֹד עוֹלָם וְצִדִּיק יְסוֹד עוֹלָם ‘а праведник — основа мира’). Иногда привлекается библейское географическое название. Так, Йехуда Галеви назы-

¹ Гаркави, I, стр. 47, יַיִ קוֹל, стих 20.

² Там же, стих 25.

³ Там же, стр. 117, строфа 4; для этого места см. Бытие XLI, 46—47.

⁴ Там же, стр. 107, נְבוֹרָה תוֹרָה; см. Бытие, II, 9.

вает одного из своих друзей: כבוד יערי וכרמלי וצללי 'честь моего леса, мой Кармел, моя сень' (Гаркави, I, стр. 113, стихотворение ראה כי ענני). Количество подобных примеров буквально бесчисленно, они встречаются в каждой строке любого стихотворения. Происходит это, как известно, потому, что вся средневековая поэзия евреев — да и не только поэзия, а вся литература вообще — построена на применении так называемого „мусивного стиля“.¹

Особую группу образуют сравнения, стремящиеся передать внешний вид и содержание письма, полученного поэтом от друга. Строки такого письма — драгоценные камни (שער השיר, № 14, стих 31), часто — гранаты (שער השיר, стр. 123, стих 44), поверхность — как щека пославшего (там же, стих 43), все оно прекрасно, смугло (שחרורה — эпитет библейской красавицы. Песня Песней, I, 6; стихотворение עין נריבה — стих 30), строки — как сюрма (там же, стих 43), они источают аромат мирры (там же), строки — как ночь, а смысл их — заря (там же, стих 28). Специфическое сравнение, взятое из Библии: строки — как шатры Кедара, свиток — завеса Соломона (там же, стих 30). Все стихотворение, написанное на бумаге — пестрая цветочная гряда, напоминающая в свою очередь ковер (там же, стих 34). Пальцы пишущего подобны керубам.²

IV

Композиция стихотворения, содержащего мадх, может строиться в двух планах в зависимости от того, заполняет ли мадх все стихотворение или является одной из его частей. В первом случае пьеса, как правило, сразу начинается с описания превосходных качеств того, кому она посвящена. Далее поэт переходит к описанию тех чувств, которые достоинства друга в нем вызывают, благодарит за полученное послание, если таковое имело место, и заканчивает благими пожеланиями и заверением в неизменности своей любви. Иногда к этому присовокупляется просьба принять в дар эти стихи. Размер такой пьесы редко превышает 15—20 стихов. В диванах определение пьесы подобного рода колеблется между терминами „кашда“ и „кыта“. Сложнее композиция пьесы, охватывающей несколько десятков стихов. Обычно она распадается на 3 части с подразделениями внутри их: а) введение, как и в арабской поэзии, часто не связанное непосредственно с основным содержанием стихотворения; б) центральная часть, представляющая собою собственно мадх, и в) заключение, концовка. Среди мотивов введения наиболее употребительны:

1) Описание приближающейся или наступившей уже разлуки. Образцы этого рода: Иехуда Галеви: שפתי היתה, ידענן נדוד; Соломон ибн Габироль: אהה לי מזמן, ידידי שעו מני אמר בבכתי. Часто к этому присоединяются жалобы на судьбу, на ушедшую юность и наступившую старость.³ Поэт жалуется на превратности судьбы и разлуку, лишившую его такого

¹ О мусивном стиле см. старую работу: Leopold Dukes. Zur Kenntnis der neuhebräischen Poesie. Frankfurt am M., 1842.

² Anthologia, стр. 143, стих 24 стихотворения Моисея ибн Эзры: חמש בניעים.

³ Гаркави, I, стр. 92, 105.

⁴ H. Brody, стр. 26, № 11.

⁵ Там же, стр. 28, № 12.

⁶ Иехуда ибн Гийят, מביני שש, № 111. — Соломон ибн Габироль, לבי באמת הוין, — H. Brody, стр. 22, ומני מה לך, там же, стр. 32.

друга, который... отсюда следует уже непосредственно мадйх. Введение этого рода следует считать, пожалуй, наиболее типичным, чаще всего встречающимся. Иногда стихотворение начинается с жалоб на измену друга, жалоб, которые разрешаются все же в похвале изменившему. Таково, например, начало мадха Иехуды Галеви в честь его друга и старшего современника знаменитого Мойсея ибн Эзры: בְּנִדְתָּם בִּי מִיָּדַעִי גַּרְכָּאֵי (изменили вы мне, мои знакомые и друзья, Гаркави, т. II, стр. 40).

Описание плача поэта над развалинами покинутого жилища встречается поразительно редко, принимая во внимание тесную близость еврейской и арабской поэзии. В чистом виде этот мотив представлен едва ли не в одном מָה לִי לָרוּת פָּנֵי תָבֵל Иехуды Галеви.

2) Более радостный мотив введения к панегирику — это описание весны, сада, отсюда переход к восхвалению хозяина сада (אָרְץ כִּילְדָה, стихотворение Иехуды Галеви в честь Исаака ал-Ятома,¹ его же פֶּשֶׁט הַזֶּמֶן.² Введением может служить и „хамрийя“ — описание пирушки, опять-таки приводящее к прославлению гостеприимного хозяина. Этот мотив особенно часто встречается в диване Мойсея ибн Эзры.

3) Несйб, который является традиционным введением к мадху в арабской поэзии, достаточно часто употреблялся еврейскими поэтами. Таковы введения стихотворений יָפִי קוֹל, בְּעֵלֶת כְּשָׁפִים Иехуды Галеви;³ Соломон ибн Габироль: וְאֵת יוֹנָה כְּבִצְלָל;⁴ מִי זֶאת כְּמוֹ שָׁחַר;⁵ При этом введении от поэта требуется известное усилие для того, чтобы от описания красавицы перейти к описанию достоинств друга. Остроумное разрешение этой задачи видим в стихотворении Иехуды Галеви בְּעֵלֶת כְּשָׁפִים. В первой части этой пьесы поэт описывает красавицу, стройность ее стана, многочисленность погибающих от любви к ней. Далее он описывает эту же красавицу во время пения: она берет лютию, нежно поддерживает ее, поет, и голос ее звучит печально. Что с серною? — спрашивает поэт, — она плачет, как будто владыка Соломон в разлуке с нею. Отсюда переход к характеристике владыки Соломона, которою стихотворение и заканчивается.

4) В ряде случаев пьеса, включающая в себя панегирик, написана по определенному поводу: по поводу свадьбы или рождения ребенка, тогда вводная часть посвящена этому событию (например неоднократно цитированное стихотворение Мойсея ибн Эзры на свадьбу Соломона ибн Матира — הָרִיחַ מִזֶּמֶן מֵאֶחָז; Иехуда Галеви — שִׁיר קִדְשׁ בְּכִי).⁶

Внутри самой центральной части панегирика, содержащей восхваление, выделяются 2 момента: 1) перечисление похвальных качеств, примеры которого уже приводились, и 2) описание любви поэта к герою панегирика, передаваемое средствами арабской любовной лирики. Поэт указывает, что любовь к другу — основная цель его жизни, что только она дает ему возможность существовать, качества друга не могут вызвать иного чувства, кроме чувства исключительной привязанности к нему.

Первый и второй моменты часто переплетаются, будучи неразрывно связанными друг с другом:

¹ Гаркави, II, стр. 58.

² Гаркави, I, стр. 41.

³ Гаркави, I, стр. 95, там же, стр. 47.

⁴ Н. Brody, стр. 10, № 4.

⁵ Там же, стр. 30, № 13.

⁶ Гаркави, II, стр. 37.

Имя его еще добавляет к славе его, благодаря его разуму,
 который удивляет ученых и слишком дивен для моей мысли.
 С того дня, как повеяли ветры его благовоениями, внутри сердца
 моего его обиталище, и своим существованием я обязан его
 жизни.

Если бы заговорили уста скрытых помыслов моего сердца,
 тогда он дошел бы до жилища любви и страсти моей
 к нему.¹

Одно воспоминание о друге вызывает у поэта глубокие страдания:

Я вспомнил тебя как бы в скалистых горах, вчера же были
 они, благодаря тебе, горами благовоений, —
 И ресницы мои запачкала слеза, а слезу запачкала кровь.²

Поэт указывает, что друг привязывает к себе сердца всех:

Владыка захватил сердца во владение. Радуйся, мое сердце,
 и ты захвачено им!
 Владыка победил и взял в добычу драгоценности, все драго-
 ценные сосуды его добыча.
 Он приобрел всякое великолепие — великолепием [своей лич-
 ности] и каждого друга ласкою, а не деньгами.³

Бескорыстие дружеской привязанности иногда особенно подчерки-
 вается поэтом, заканчивающим стихотворение:

Привлекли меня узы любви вашей, и вот душа моя, воистину,
 привязана к вам.
 Единственная моя просьба — ваша дружба, ни к чему другому
 я не стремлюсь.⁴

Несколько последних строк, замыкающих все стихотворение и обра-
 зующих собой его заключение, концовку, также дают различить в себе
 несколько мотивов. Эгим, еврейская *касыда* существенно отличается от
 арабской, где за восхвалением следует традиционная просьба о подарке,
 замыкающая пьесу и образующая ее „цель“ (*касад*).⁵ Взамен этой просьбы
 еврейский поэт заканчивает указанием на бескорыстие своего мадха
 (пример только что приведен). Обращались стихи чаще в однородной
 среде, где существовали отношения дружеского равенства, и просьба о
 подарке в этих условиях была бы неуместной. В благодарность за друж-
 бу поэт желает своему корреспонденту счастья, долголетия, много-
 численного потомства.

Пусть бог умножит его дни и даст ему правнуков в излишке
 и в изобилии.

Пусть он [бог] постоянно произносит привет Соломону, и пусть
 тот и в старости будет свеж и цветущ.⁶

¹ שִׁיר הַשֵּׁחַר, № 111, стихи 39—41.

² Иехуда Галеви, שִׁיר הַשֵּׁחַר. — Гаркави, I, стр. 92, стихи 20—21.

³ Там же, стр. 39, стихи 5—7.

⁴ Гаркави, I, стр. 105, стихотворение הלל ללב.

⁵ И. Ю. Крачковский. Арабская поэзия, стр. 102.

⁶ הלל ללב, последний стих.

Часто поэт заканчивает пожеланием, чтобы слава друга осталась в веках:

Пусть вечно сохраняется похвала ему, [пусть будет] вырезана на diamante железным резцом.¹
Пусть бог скорей исполнит его просьбы и просимое мною [у бога] пусть будет дано ему.²

Поэт заканчивает приветом не только адресату, но и близким его:

Милость и привет и великое спасение, с которым [ничто] не может сравниться, пусть приблизятся к тебе, господин.
И привет также Эльханану, его домочадцу, и Иакову, моему приятелю, знатного рода.³

Иногда стихотворение кончается пожеланием благополучия всему еврейскому народу (мотив в стихах этой эпохи сравнительно редкий):

Прими привет с прославлением и величанием для старшин милой йешибы.
Они вельможи далекие, но близкие душе моей, печальной от страсти к ним.
Заклинаю их и твоей жизнью: пусть бог ускорит возвышение упавшей.⁴

Я жду, что взойдет заря [разгоняющая] бессонницу, и сердце насладится и будет обрадовано друзьями.
И для поселенцев, изгнанных из родного дома, бог соорудит крепости;
И отстроит дом любви, и внутри его найдут отдых ноги странников.
И приведет их к городу их надежды и заменит звуками радости и веселья звуки ужаса.⁵

Очень часто, заканчивая стихотворение, автор его подчеркивает значение своих стихов, но все же основным их достоинством считает посвящение их другу:

Я славлю тебя, но ведь ты слава моих слов, ведь прекрасная шея делает красивым ожерелье.
Кто тот, кто сравнивается со мною, и ответит размером и строем моих слов.
Гордится сердце коня на войне, а может ли осел бежать на своих ногах.⁶

Восхваление своих стихов:

Из-за любви моей к тебе песнь моя прославляет тебя, много в ней красноречия, а не насмешек.

¹ H. Brody, стр. 4, № 1, стих 36.

² Там же, стр. 11, № 4, стих 14.

³ Соломон ибн Габироль, רשפ רש, № 33, стихи 13—14.

⁴ Синоним общины. Стихотворение Иосифа бен Хисдай в честь Самуила Нагида (רשפ רש, № 22, последние стихи).

⁵ H. Brody, стр. 30, № 12 (стихи 18—21).

⁶ Там же, стр. 26, № 10, стих 23.

Все поэты трепещут перед нею. Как они окутались стыдом,
позором и срамом.¹

Посвящение стихотворения:

Услышь меня, князь народов, преклони к словам моим уши
[привыкшие] к мудрым речам.
Возьми песню, оправленную в справедливость, дар чистой
старинной любви,
Покрытую нарядами, как невеста, увешанную украшениями, как
девушка.²

Похвала своим стихам и привет другу:

Прими от косноязычного искусную речь, отлитую из золота,
уложенную на парчу песни, как цепочка.
Она — дочь дружбы и иссечена из скалы любви, спешит посва-
тать мне дочерей твоей любви.
Ищи, ветер рассветный, лицо любящих и постоянно повторяй
привет Соломону.³

Таким образом, в развитии жанра панегирика применительно к еврейской средневековой поэзии можно наметить следующие линии:

1. Зарождением этого жанра, названием его и общим направлением еврейская литература непосредственно обязана арабской.

2. Специфические условия городской жизни еврейской общины на Пиренейском полуострове, ее интересы, общий строй культуры приспособляют панегирик к вкусам еврейского читателя, видоизменяя его согласно этим требованиям. Каждый светский поэт оставляет ряд образов этого жанра, часто в высшей степени художественных.

3. Основным мотивом панегирика является восхваление мудрости и щедрости.

4. Цель панегирика заключается в стремлении дать идеализированный нравственный портрет героя и выразить отношение автора стихотворения к нему. Отношение это изображается средствами арабской любовной лирики.

5. Несмотря на чрезвычайно сильное воздействие арабского стихотворчества, выразившегося не только в появлении у евреев определенного литературного жанра, но и в разработке тематики и образов этого жанра, можно все же проследить здесь связь с традиционной еврейской литературой, что сказывается в проникновении библейских образов и сюжетов в совсем, казалось бы, чуждую область, и прочное закрепление их в этой области, создающее новую своеобразную литературную традицию.

¹ שער השיר № 36, стихи 18—19.

² Там же, № 22, стихи 40—42.

³ Там же, № 74 (עין גריבה), стихи 42—44.